

Беляев Андрей Николаевич

ЭТНОЯЗЫЧНОСТЬ В ОНОМАСТИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

В настоящем исследовании затрагивается один из частных вопросов взаимоотношения между языком, культурой и этносом, а именно: вопрос о национальной принадлежности собственного имени. На материале антропонимов (преимущественно фамилий) и топонимов рассматриваются языковые и внеязыковые факторы, обуславливающие принадлежность имени к определённому языковому полю. Предполагается, что онимическому знаку присуща категория этноязычности как одна из фундаментальных ономастиологических категорий языковой номинации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/2-2/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2(56): в 2-х ч. Ч. 2. С. 58-61. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8; 81:373

В настоящем исследовании затрагивается один из частных вопросов взаимоотношения между языком, культурой и этносом, а именно: вопрос о национальной принадлежности собственного имени. На материале антропонимов (преимущественно фамилий) и топонимов рассматриваются языковые и внеязыковые факторы, обуславливающие принадлежность онима к определённому языковому полю. Предполагается, что онимическому знаку присуща категория этноязычности как одна из фундаментальных ономастиологических категорий языковой номинации.

Ключевые слова и фразы: имена собственные; компонент национальной культуры; национальная принадлежность; номинация; этноязычность.

Беляев Андрей Николаевич, к. филол. н.

*Башкирский государственный аграрный университет
anbelajew@mail.ru*

ЭТНОЯЗЫЧНОСТЬ В ОНОМАСТИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

В последние годы всё более заметным становится усиление внимания исследователей к собственным именам как реалиям языка и культуры [1; 2; 6; 13]. Возросший интерес лингвистов к ономастической лексике при этом отчётливо фокусируется на том факте, что ономастические категории выражают не только присущие им как единицам языка лексико-семантические и грамматические значения, но и обладают высокой информативной ценностью, являясь своеобразным компонентом национальной культуры.

Такой подход к собственным именам разумно вытекает из общей проблематики современной антропоцентрической научной парадигмы лингвистических исследований: выявления различных аспектов лингвистического и социокультурного взаимодействия. В отдельных недавних работах стало уже прямо выдвигаться и получать обоснование положение о принадлежности языковой системы более общей семиотической системе, составляющей культуру [10]. Из этого тезиса, связанного с вопросами общетеоретического характера, вытекает необходимость разработки такой методологии исследования собственных имён, которая учитывала бы не только структурно-функциональные, но и социальные, психолого-когнитивные параметры языка. На современном этапе в задачи ономастики входит изучение взаимоотношений между феноменами «язык», «культура», «этнос». Сами по себе «стыковые» проблемы ономастики, находящиеся на пересечении научных дисциплин, предполагают применение комплексной методики исследования. Необходимость комплексного подхода к собственным именам, как к объекту лингвистического исследования, вызвана в первую очередь ограниченностью классических (т.е. «языкового» и «речевого») подходов к проблеме определения семантико-функциональной специфики собственных имён, к вскрытию «глубинных», сущностных аспектов содержания онимов [14, с. 92].

На наш взгляд, в отечественных ономастиологических исследованиях категория этноязычности до сих пор не получила должного освещения. Обсуждение проблем языковой номинации базируется большей частью на истолковании гностических, познавательно-отражательных категорий предметности, процессуальности, качества, количества и др., предопределяющих закрепление результатов познавательной деятельности человека в словах различной частеречной принадлежности.

Вопросы этноязыковой принадлежности слова были с определёнными формулировками поставлены в работах А. Н. Антышева [1; 2], где они получили обоснование в анализе большого материала по русской и немецкой антропонимике. Рассматривая проблему с функциональной точки зрения, исследователь считает, что категория этноязычности онтологически присуща именам, будь то апеллятив или оним [2, с. 78]. Она как сущностная категория языковой номинации свойственна любому классу ономастической лексики – антропонимам, зоонимам, ойконимам, гидронимам и всем прочим онимам. Всякое имя личное характеризует его носителя прежде всего как представителя определённого этноса и – в предполагаемом тождестве – конкретного языка. В качестве примера, свидетельствующего, по мнению А. Н. Антышева, об этноязыковой принадлежности как антропонимов в отдельности, так и антропонимиконов в целом, приводятся несколько имён видных политических деятелей. Эти антропонимы неразрывно и неизбежно ассоциируются в сознании с носителями этих имён как представителями той или иной нации, того или иного национального государства: **Джавахарлал Неру** – индус; **Мао Цзэдун** – китаец; **Маргарет Тэтчер** – англичанка; **Франсуа Миттеран** – француз; **Ганс-Дитрих Геншер** – немец; **Беттино Кракси** – итальянец.

По мнению А. Н. Антышева, категория этноязычности занимает первое место в иерархии ономастиологических категорий, среди которых он также выделяет категорию знаковости, номинативности, предметности, одушевлённости/неодушевлённости. Отводя категории этноязычности важную роль, исследователь пишет: «Всякое слово создаётся в определённом этноязыковом коллективе, оно является в дальнейшем составной частью лексико-семантической системы языка конкретного народа. Sic! Не языка вообще, а языка *определённого этноса!* Не существует слов-космополитов. Каждое слово возникает и существует, выполняя свои номинативные, коммуникативные и иные функции, только в языковой системе данного конкретного этноса» [1, с. 16].

Не отрицая приведённой точки зрения А. Н. Антышева, можно, вообще говоря, спросить, едина ли у разноязычных людей их практика восприятия этноязыковой принадлежности, или же у них существуют разные «практики». Едина ли, далее, у разноязычных людей та «часть» их сознания, которая не является набором или суммой значений языковых единиц, репрезентирующих сознание и используемых в речи? Наконец, почему именно этноязычность занимает первое место в ряду прочих ономастиологических категорий номинации?

Следует также заметить, что приведённые в качестве примеров исследователем имена представляют собой так называемые воплощённые собственные имена, т.е. имена конкретных людей, широкая известность которых позволяет отнести их к определённому национальному полю. В большей степени этому способствуют экстралингвистические характеристики денотатов имён.

Параллелизм между этнической и языковой общностью существует не всегда. Нередко один народ использует не один, а несколько языков. Так, в современной Швейцарии, которая является государством швейцарской нации, сосуществуют четыре языка: немецкий, французский, итальянский и ретороманский. Два языка – английский и ирландский – используют ирландцы. На двух сильно различающихся финно-угорских языках – мокшанском и эрзянском – говорит мордовская нация. Поэтому одно и то же имя может ассоциироваться с представителями разных этносов. Мордовкой по национальности является Герой России, знаменитая лыжница, шестикратная олимпийская чемпионка **Любовь Егорова**. Родом из села *Татарские Юнки* президент Федерации тенниса России, член Международного Олимпийского комитета, бессменный капитан сборной команды России по теннису **Шамиль Анвярович Тарпищев**. Как быть в таком случае с этноязыковой принадлежностью имени? Бесспорно, имя *Любовь* – русское, и вряд ли кто-либо будет считать его нерусским на том основании, что оно встречается у других народов. Определить же этноязыковую принадлежность такой фамилии, как *Тарпищев*, представляется весьма затруднительно. Зная о том, что личное имя *Шамиль* часто встречается у тюркских народов, можно предположить о тюркском происхождении фамилии *Тарпищев*.

С. Ю. Потапова справедливо отмечает, что определение этноязыковой принадлежности собственного имени во многом опирается на субъективное восприятие носителей языка. Встречая, например, в средствах массовой коммуникации официальные имена *Otto von Bismarck, Konrad Adenauer, Ludwig Erhard, Franz Josef Strauss, Helmut Kohl, Gerhard Schröder*, мы однозначно воспринимаем их как представителей конкретного этноса и языка, вполне определённого национального поля [11, с. 6-7]. И всё-таки некоторые имена не столь однозначны в их национальной принадлежности. Так, *Штраус* – немецкая и еврейская фамилия. Вот лишь небольшой перечень известных лиц, носящих эту фамилию: *Штраусс, Роберт* – актёр США; *Штраус, Рихард* – немецкий композитор и дирижёр; *Штраус, Людвиг* – немецкий и израильский литературовед, писатель; *Штраус, Людвиг* – австрийский скрипач; *Штраус, Исаак* – французский композитор, дед Клода Леви-Стросса; *Штраус, Виктор* – прусский писатель; *Штраус, Адриан* – южноафриканский регбист; *Штраус, Аксель* – немецко-американский скрипач (Примеры составлены автором статьи).

Таким образом, первостепенное значение при национальной атрибуции имени собственного приобретает информация о том, какой национальности является носитель данного имени. Однако не всегда между ономом, единицей определённого национального ономастикона, и этничностью можно поставить знак равенства. В ономастиконе любого языка достаточно много собственных имён иноязычного происхождения, с разной степенью адаптированных в языке-реципиенте [18]. Пионером дирижаблей жёсткой системы считается немецкий граф **Фердинанд фон Цеппелин**. Однако не всякий может распознать в его имени эксплицитное указание на славянское происхождение фамилии, маркированное широко распространённым в немецкой ономастике славянским суффиксом *-in*.

В связи с этим возникает вопрос, что вообще следует понимать под «русским», «немецким», «английским» и т.п. антропонимом или топонимом?

В отечественной ономастике в трактовке национально-культурной принадлежности антропонимов и топонимов, в определении национального ономастикона существуют некоторые противоречия [5]. В качестве одной из причин учёные называют огромное количество ономастических единиц, сложность этимологического и этнокультурного анализа как самих антропонимов и топонимов, так и антропо- и топооснов, а также некоторые другие. На сегодняшний день отсутствуют чёткие критерии этноязыковой принадлежности имён, принципиально важных для любого языка, что приводит порой к непоследовательности в отборе материала при создании лексикографических справочников и иных фундаментальных работ, ср.: словарь монографии Б. О. Унбегауна, на обложке которого значится – «Русские фамилии», изобилует множеством нерусских фамилий [16]. Словарь русских фамилий В. А. Никонова также содержит фамилии нерусского происхождения, например, тюркского происхождения (*Аксаков, Асланов, Бахтияров, Бектуганов, Кадыров* и др.), которые нередко в чисто русских семьях. Учитывая этот факт, В. А. Никонов уточняет название своего словаря формулировкой «фамилии русского населения» [9].

А. В. Суперанская и А. В. Сулова сообщают, что при отборе материала для монографии «Современные русские фамилии» [15] значительные трудности представил тот факт, что русские семьи не всегда являются носителями русских фамилий. Например, встречаются у русских такие фамилии, как *Грандмезон, Шмит, Карузо*. Фамилия *Украинцев* зарегистрирована в белорусской семье. Русские фамилии встречаются у якутов, бурят, татар. Поэтому к русским в монографии отнесены в первую очередь те фамилии, которые образованы от слов русского языка с помощью русских словообразовательных средств: *Зайцев, Коровкин, Кисловский*, а также все виды фамилий, происшедшие от имён личных, включавшихся в прежние времена в различные календари, церковные и светские. Прочие типы фамилий специально оговариваются. При отнесении их к русским особое внимание обращается на имя и отчество хозяина фамилии и на иные данные о нём. Тем самым подтверждается невозможность при выделении русских фамилий ограничиваться лишь теми из них, которые восходят к словам славянского происхождения.

Ответ на вопрос, какие фамилии следует считать русскими, ищут, как правило, между двумя полюсами:

1) русская фамилия – это фамилия, образованная по выявленным антропонимическим моделям, характерным для большинства славянского населения России: фамилии с суффиксами *-ов/-ев, -ин/-ын, -ский/-ской/-цкий/-цкой, -ых/-их, -ово, -аго* и пр.;

2) русская фамилия – это фамилия человека, являющегося русским по документам вследствие национальной самоидентификации [8, с. 128].

Оба подхода имеют весьма существенные недостатки. В первом случае, исходя из заданного перечня формальных признаков русских фамилий, следует отделить от них фамилии множества нерусских этносов, заимствовавших русские антропонимические модели – тюрков, финно-угров, народов Северного Кавказа. Но, опираясь на нерусское происхождение таких фамильных основ, как *Авзал-*, *Башир-*, *Хайдар-*, *Хамит-* и т.п., как быть с тем обстоятельством, что основы фамилий-патронимов, принадлежащих большинству русских, как раз нерусского происхождения: *Иван-*, *Петр-*, *Степан-*, *Михайл-* и т.п. Следовательно, опора на основу фамилии – не выход. Считать фамилии *Авзалов*, *Баширов* русскими? Тоже неудовлетворительно. Как быть, далее, с фамилиями, оканчивающимися на *-ов* или *-ин*, если происхождение их неизвестно.

Недостаток второго подхода заключается в том, что, пользуясь словарями фамилий или другими справочниками, мы вообще ничего не можем сказать о национальности носителя фамилии. Опираясь лишь на перечень развоплощённых имён, вообще не представляется возможным говорить о принадлежности фамилии определённому этносу.

Проблема определения, что такое русская фамилия, достаточно сложна и не решена ни в одной из известных нам работ по антропонимии. В большинстве случаев понятие «русская фамилия» просто не формулируется, выдаваясь тем самым за некую очевидность или же условность.

То же самое можно встретить и в публикациях по топонимике: либо вообще «размыта» методика интерпретации термина, либо отдельные авторы главным для интерпретации избирают различные признаки (или один не совпадающий признак): национальность жителей данной территории, этимологический признак (аспект) топонима, формантный признак (признаки) топонима, сферу распространения географического названия, отнесённость топонима к той или иной культуре и т.д. [5, с. 38]. Под этнолингвистическими факторами, повлиявшими на становление топонимов, понимают историю этноса и природные условия [7, с. 91].

Обратимся к словарю «Русская ономастика и ономастика России», вышедшему под редакцией О. Н. Трубачёва в 1994 г. [12] в задуманном тогда академическом проекте «Русская энциклопедия», чтобы выяснить, как в нём решается этот вопрос.

Уже название словаря говорит о том, что в нём описывается не только русская ономастика, но и ономастика других народов России. Разумеется, выбор критериев для отбора ономастического материала в словник напрямую зависит от целей его составителей. Этот словник прежде всего знаменателен тем, что в нём впервые была поставлена задача полной инвентаризации русского ономастического богатства. Статьи в сборнике явились пробным камнем будущей Русской энциклопедии. Во введении, написанном Е. С. Отиным, говорится, что в Русской энциклопедии должна быть раскрыта не только русская ономастика в её пространственно-временных пределах, но и свойственная русским ономастическая картина мира. Основной массив собственных имён – онимов, который, по мнению авторов, должен быть описан, составят топонимы, содержащие наиболее ценную и богатую этнолингвистическую и историческую информацию. В топонимическую часть словника включаются географические имена, отражающие формирование русской этнической общности. Это названия географических объектов, с которыми связаны определённые события русской истории (*Калка*, *Куликово поле*, *Непрядва* и т.д.), жизнь и деятельность известных представителей русской культуры, наименования мест развития промыслов, ремёсел и т.д.; топонимы, отразившие реалии социально-экономического и духовного развития русского общества. Например, топонимия подсечно-огневого земледелия, древних водных путей (*Волоколамск*, *Вышний Волочек*, *Мытищи*), так называемые агитопонимы (*Златоуст*, *Борисоглебск* и др.), мифологические топонимы русского фольклора (*Пучай-река*, *Смородина-река* и т.д.).

Самостоятельная статья об антропониме *Иван* содержит исключительно важную информацию об этом типично русском имени не только в его собственно антропонимическом употреблении, но и в его многочисленных значениях, о проникновении в русскую фразеологию, народную ботаническую номенклатуру и т.д., что также свидетельствует о «русскости» этого личного имени, о связях его с различными сферами духовной культуры русского народа.

Если обратиться к иноязычным словарям собственных имён, описывающим личные имена, фамилии, географические названия и другие виды онимов, то можно заметить, что под ономастикой определённого народа часто имеется в виду совокупность разных в этноязыковом плане собственных имён, распространённая у данного народа. Так, словари немецких фамилий содержат многочисленные фамильные онимы от славянских названий населённых мест, оканчивающихся на *-ow*, *-itz*, *-witz*, *-vitz*, *-in*. География их распространения приблизительно такова, что на Севере преобладают фамилии на *-ow* (*Bülow*, *Bahlow*, *Grabow*, *Virchow*) и *-in* (*Beythien*, *Zeppelin*, *Zechlin*), на о.-ве Рюген – фамилии на *-vitz* (*Thesenvitz*, *Triddelfitz*), в Лужице и Силезии – фамилии на *-witz* (также в Саксонии наряду с *-itz*, *-itsch*, *-itzsch*: *Delitzsch*, *Brauchitsch*): *Kollwitz*, *Leisewitz*, *Seidlitz*, *Leibnitz* [19].

Таким образом, собственным именам как идентифицирующим знакам присуща категория этноязычности, выражаемая структурно-словообразовательными и семантическими механизмами. На сегодняшний день отсутствуют чёткие критерии в определении национальной принадлежности имени. Большое значение при этом приобретает субъективное восприятие имени, которое формируется в сознании носителей той или иной этнической культуры. В силу своей недоступности прямому изучению оно может изучаться только через различные формы своего овнешнения. Одной из таких форм является языковое сознание – опосредованный языком образ мира той или иной культуры, т.е. совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителей культуры об объектах реального мира [17, с. 154]. Представляется, что решению проблемы этноязычности ономастического знака может содействовать метод свободного ассоциативного эксперимента.

Список литературы

1. Антышев А. Н. Имена. Немецкие антропонимы. Уфа: Изд-во Башкирск. гос. аграр. ун-та, 2001. 239 с.
2. Антышев А. Н. Этноязычность как категория номинации // Germanica. Slavica. Turcica: сб. науч. ст. К 60-летию Р. З. Мурясова. Уфа: Изд-во Башкирск. гос. аграр. ун-та, 2000. С. 73-81.
3. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
4. Брагина Н. Г. Имена лиц в общественной культурно-языковой памяти // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: тезисы междунар. науч. конф.: в 2-х ч. М.: Институт славяноведения РАН, 2001. Ч. 1. С. 12-15.
5. Горбаневский М. В., Максимов В. О. О некоторых противоречиях в трактовке национально-культурной принадлежности антропонимов и топонимов // Ономастика Поволжья: материалы X Междунар. конф. (г. Уфа, 12-14 сентября 2006 г.) / отв. ред. Е. А. Яковлева. Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. С. 37-44.
6. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001. 200 с.
7. Жукова Т. Е. Этнолингвистические факторы в названиях топонимов и гидронимов в архангельских говорах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. 3. С. 88-92.
8. Журавлёв А. Ф. К статистике русских фамилий. I // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 126-146.
9. Никонов В. А. Словарь русских фамилий / сост. Е. Л. Крушельницкий. М.: Школа-Пресс, 1993. 224 с.
10. Пак С. М. Ономастикон как объект филологического исследования: на материале американского дискурса XIX-XX вв.: дисс. ... д. филол. н. М., 2005. 366 с.
11. Потапова С. Ю. Неофициальные именованя лица в современном немецком языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2004. 58 с.
12. Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. О. Н. Трубочёва. М.: Школа-Пресс, 1994. 288 с.
13. Сапожникова Л. М. Национально-культурный компонент в семантической структуре монореферентных собственных имён (на материале немецкого языка) // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 175-185.
14. Семёнова Т. Н. Семантика индивидуализации и её отражение в тексте: дисс. ... д. филол. н. М., 2001. 345 с.
15. Суперанская А. В., Сулова А. В. Современные русские фамилии. М.: Наука, 1981. 176 с.
16. Унбгаун Б. О. Русские фамилии / пер. с англ.; общ. ред. и послесл. Б. А. Успенского. М.: Прогресс: Универс, 1995. 446 с.
17. Уфимцева Н. В. Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте): сб. ст. / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения. Науч. совет по истории мировой культуры. М.: Наука, 2002. С. 152-170.
18. Хенгст К. Типология адаптации славянских имён собственных неславянским языком (на материале древнелужицкой топонимии в немецком языке) // Перспективы развития славянской ономастики. М.: Наука, 1980. С. 151-157.
19. Bahlow H. Deutsches Namenlexikon. Baden-Baden: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 1985. 601 S.

ETHNO-LINGUISTIC IN THE ONOMASTIC NAMING

Belyaev Andrei Nikolaevich, Ph. D. in Philology
 Bashkir State Agrarian University
 anbelajew@mail.ru

The paper touches on a particular case of interaction between language, culture and ethnos, such as the problem of national affiliation of a proper name. By the material of anthroponyms (basically surnames) and toponyms the author examines linguistic and extralinguistic factors conditioning the affiliation of onym to a certain linguistic field. The researcher believes that the onymic sign is characterized by the category of ethno-linguism as one of the fundamental onomasiological categories of linguistic naming.

Key words and phrases: proper names; component of national culture; national affiliation; naming; ethno-linguism.

УДК 811.161.1'367

Рассматривается специфика использования неопределённо-личных предложений в художественных текстах. Исследуется взаимное влияние текста и предложения на примере неопределённо-личных предложений, различных по грамматической структуре. В качестве объекта исследования берутся фрагменты текстов, относящиеся к повествованию, и в составе которых используются неопределённо-личные предложения. Материалом исследования послужила выборка фрагментов из художественных текстов XIX-XX вв., а также из произведений современных авторов.

Ключевые слова и фразы: повествование; односоставное предложение; неопределённо-личное предложение; однословное предложение.

Брысина Татьяна Николаевна
 Московский государственный областной университет
 tania.brysina@mail.ru

ВЗГЛЯД НА УПОТРЕБЛЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЁННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Многообразие взглядов на односоставные предложения требует дополнительного изучения языкового материала [2]. Системный подход к изучению односоставных предложений предполагает рассматривать их в составе текста как синтаксической единицы более высокого уровня [4].